

к 72.9
3-81
к-36822

635

Никита Бичурин

**ВОСТОКОВЕД, ЛИТЕРАТОР,
ИСТОРИК И ПЕДАГОГ**

2003

К

К72.9

3-81

К 300-летию Санкт-Петербурга

Виталий Золотов

НИКИТА БИЧУРИН -

востоковед, литератор,

историк и педагог

(1777-1853)

*В дар Бичуринскому залу
Национальной библиотеки
Чувашской Республики*

3.10.2003 г.

2. Чебоксары

Вит. Золотов -

акт 14703

Чебоксары
Санкт-Петербург
2003

К72.96:63

ББК 84 чув 7-5

380

63.1(2)4-8 <Бичурин Н.Я.>

В.А. ЗОЛОТОВ

Сборник статей и очерков

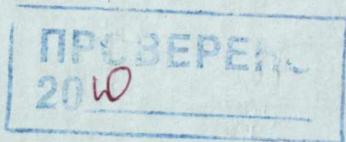
«Никита Бичурин – востоковед, литератор,
историк и педагог».

Чебоксары, Санкт-Петербург, 2003. 64 с.

Редактор – В.Т. Золотов, член Союза журналистов РФ.

В сборнике статей и очерков «Никита Бичурин – востоковед, литератор, историк и педагог» (1777-1853) рассказывается о сложной и противоречивой, но интересной и яркой судьбе, а также о многогранной научной и литературной деятельности российского учёного Никиты Яковлевича Бичурина (в монашестве Иакинфа). Монах Иакинф Бичурин – китаевед, историк, литератор, этнограф и педагог – один из основоположников русского востоковедения, первый составитель китайско-русского словаря и китайской грамматики на русском языке, четырежды лауреат Демидовской премии Императорской Академии наук. Н.Я. Бичурин обосновал необходимость открытия при Санкт-Петербургском университете особого класса изучения восточных языков. В 1831 году в Кяхте (Бурятия) он открыл первое в России училище китайского языка.

К-36822

©В.А. Золотов. «Никита Бичурин – востоковед, литератор, историк и педагог»

... и ...

... ..

С. П. Тихонов *Бичурин*

雅經

Портрет Н.Я. Бичурина, литографированный В. Тербеневым

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Некрополе XVIII века Александро-Невской лавры есть надгробный памятник с эпитафией, написанной китайскими иероглифами. Перевод надписи на чёрном граните гласит: *“Постоянно прилежно трудился над увековечившими его славу историческими трудами”*. Этот памятник поставлен на могиле монаха Иакинфа Бичурина.

Имя Никиты Яковлевича Бичурина вписано в историю российской науки и просвещения как крупного учёного XIX века: одного из основоположников русского востоковедения, первого составителя многотомного китайско-русского словаря и блестящего переводчика с китайского языка на русский. Монах Иакинф по праву был признан современниками лучшим синологом Европы.

Н.Я. Бичурин прожил долгую жизнь, полную творческого горения, борьбы с лишениями, и при жизни испытал трепет сердца славой, поразив научный мир России и Запада рядом первоклассных сочинений по философии, истории, географии, этнографии, социальному устройству и культуре не только Китая, но и других стран Центральной и Восточной Азии.

То была яркая вспышка звезды первой величины, которую сразу же заметили современники: Александр Пушкин, Иван Крылов, Виссарион Белинский, Владимир Одоевский, Николай Бестужев; с ними Никита Бичурин поддерживал дружеские отношения. Пушкин, высоко ценя знания самобытного исследователя, подчёркивал, что бичуринские *“глубокие познания и добросовестные труды разлили столь*

яркий свет на сношения наши с Востоком”.

Прошло 150 лет со дня смерти Н.Я. Бичурина. За этот достаточно длительный период Россия не раз испытывала революционные потрясения, когда в корне менялось всё: мировоззрение, социальный уклад, стиль жизни, отношение к свободе совести... К сожалению, эти изменения неоднозначно сказались на осмыслении и оценке сложной и противоречивой, но интереснейшей и яркой судьбы монаха Иакинфа.

Надуманнные характеристики личности монаха, подчас достаточно ничем не аргументированные, как правило, без ссылок на первичные источники, всё чаще и чаще стали появляться на страницах книг, журналов и газет. У отдельных историков, писателей и журналистов в статьях и очерках и ныне встречаются набившие оскомину определения, как-то: *мятежный монах, строптивый инок, таинственный монах, неудачник, затворник кельи, тайный агент, вольнодумец в рясе, духовное звание ему было противно, безбожник* и т.п. Например, в авторском предисловии к роману-диалогии “Отец Иакинф” писатель В.Н. Кривцов акцентирует внимание читателя фразой: *“Убеждённый атеист (Иакинф Бичурин – В.З.) и вольнодумец, по печальной иронии судьбы всю жизнь связанный с церковью и самой мрачной её ветвью – монашеством...”* И всё это изложено голословно, без ссылок на достоверные источники, без глубокого научного анализа исторических фактов и событий. Дальнейшие комментарии излишни – каждому, кто хоть немного знаком с историей Древней Руси и Российской Империи, с историей Православной Русской Церкви, без лишних слов понятно, что во всей этой длинной фразе **сквозит неправда – вымысел автора.**

Монах Иакинф был не безгрешен – он, не лишенный человеческих слабостей, не всегда соблюдал монашеский обет. В возрасте 54-х лет, будучи чиновником Восточного

департамента Министерства иностранных дел России, обращаясь в Синод, Н.Я. Бичурин написал:

*В Святейший Правительствующий Синод
Монаха Иакинфа
Всеподданнейшее прошение*

Числясь по сану в звании Монашеском, а по должности в службе гражданской, я в необходимости пребываю, как по учёным занятиям, так и по поручениям Начальства, находиться в долговременных отлучках из Монастыря, что при всей благовидности причин противно приличию, а потому для общего мнения соблазнительно. Сверх того, как сие звание препятствует мне в полном удовлетворении обязанностям по службе; так, напротив, и пребывание в мире по делам службы отвлекает меня от упражнений духовных; слабости же, свойственные мне как человеку, поставляют меня в невозможность соблюдать обеты Монашества во всей чистоте их. Почему для успокоения совести, а паче того, заботясь о святости Монашеского сана, я обращаюсь к последнему средству просить СВЯТЕЙШИЙ СИНОД снять с меня те обязанности, выполнить коих с точностью и по совести я не в состоянии, и дозволить мне провести остаток дней в светском звании при тех должностях, к которым я по своим способностям уже призван волею Правительства.

Троицкосавск

Августа 29-го дня

1831 года.

Вашего Святейшества

всенижайший послушник

монах Иакинф.

Известно, что Святейший Синод удовлетворил просьбу отца Иакинфа о снятии с него духовного сана. Однако, император Николай I представление о расстрижении не утвердил.

К сказанному выше необходимо добавить следующее: Никита Яковлевич Бичурин в своих многочисленных сочинениях (книгах, очерках, автобиографии, известной памятной книжке – в дневниковых записях) о своём вероотступничестве ни словом не упомянул. Более того, выдающийся

историк-знарок Востока спокойно относился и к другим вероисповеданиям, в частности, к буддизму и исламу, что чётко прослеживается в его фундаментальных трудах.

Отец Иакинф от Церкви не отлучался, он похоронен на Старо-Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Настоящий сборник статей и очерков, подготовленный к 150-летию со дня смерти Н.Я. Бичурина, начинается с исторического этюда архимандрита Авраамия, который в 1916 году в Пекине издал *“Краткую историю Русской Православной миссии в Китае”*. Авторство этого очерка и источник опубликования установил Санкт-Петербургский исследователь В.П. Жучков, он же в фондах Российской Национальной библиотеки обнаружил портрет Иакинфа Бичурина в монашеском одеянии и чёрном клобуке, литографированный художником В. Теребенёвым в 30-х годах XIX века.

В сборник также включён замечательный очерк *“Неутомимый Иакинф Бичурин”*, который написал писатель Сергей Марков.

Ныне нас радует то, что сочинения Никиты Яковлевича Бичурина об истории народов Востока востребованы и периодически переиздаются. Так, например, к 225-летию со дня рождения знаменитого синоведа издательство *“Восточный дом”* (Москва) выпустило две книги Н.Я. Бичурина: *“Статистическое описание Китайской Империи”* и *“Китай в гражданском и нравственном его состоянии”*.

Благодарные россияне чтят память славного сына России – патриота Отечества и подвижника науки.

Авраамий ЧАСОВНИКОВ

АРХИМАНДРИТ ИАКИНФ И ЕГО МИССИЯ

Архимандрит Иакинф (Бичурин), в мире Никита Яковлевич, происходил из духовного звания; родился 29 августа 1770¹ года. По окончании курса в Казанской духовной семинарии он был оставлен при ней с 1790² года учителем информатории, а с 1800 года – грамматики. По принятии монашества был определен в Александро-Невскую Лавру, где вскоре рукоположен в сан иеродиакона, а в 1801 г. в сан иеромонаха; в том же году ему поручено управление Иоанновским монастырём. В 1802 году он был назначен настоятелем третьеклассного Вознесенского монастыря в Иркутске с возведением в сан архимандрита. В то же время он управлял Иркутской духовной семинарией и состоял присутствующим в консистории. Но отличаясь всегда слишком энергичным и решительным характером, он здесь своею строгостью и горячностью произвел волнения среди семинаристов. В 1805 году указом Святейшего Синода он был отрешён от управления монастырём, должности ректора и присутствующего в консистории, запрещён в священнослужении и отправлен в Тобольск под наблюдение архимандрита Знаменского монастыря и ректора Тобольской семинарии, где о. Иакинф исполнял обязанности преподавателя красноречия. Заслужив благоприятный отзыв от архиепископа Амвросия об успешном преподавании и добром поведении о. Иакинф в 1807 году указом Синода был разрешён от запрещения, избран в начальника Пекинской духовной

¹ Никита Яковлевич Бичурин родился 29 августа 1777 года. В.З.

² Должность учителя информатории исполнял с 1799 года. В.З.

миссии взамен архимандрита Аполлоса и командирован в Иркутск. Здесь он принял начальство над составом миссии, ожидавшей разрешения от китайского правительства для следования через границу. В это время по ходатайству Иркутского Генерал-Губернатора о. Иакинфу Всемилоствивейше пожалован из кабинета Его Величества архимандричий наперсный крест, усыпанный бриллиантами, который и был препровождён в Пекин уже по отъезде туда миссии.

В сентябре 1807 года миссия, во главе с архимандритом о. Иакинфом, в составе двух иеромонахов, Серафима и Аркадия, одного иеродиакона Нектария, двух церковников – Василия Яфицкого и Константина Пальмовского, и четырёх студентов – Маркелла Лавровского, Льва Зимайлова, Михаила Сипакова и Евграфа Громова, выехала из Иркутска в сопровождении пристава, письмоводителя, толмача и тридцати двух человек конвоя из казаков Троицкосавской пограничной Канцелярии. Иркутская казённая Экспедиция, коей поручены были все хозяйственные распоряжения, намерена была отправить миссию через Монголию, по подряду, но подрядчики назначили слишком высокую цену. В то же время казачьими старшинами и бурятскими родоначальниками было пожертвано духовной миссии 222 лошади и 55 быков, а потому решено отправить миссию хозяйственным способом. Лошади и быки были обучены упряжке; упряжь отчасти выбрана из оставшейся от посольства графа Головкина, а отчасти прикуплена была вновь. Так снаряжено было двенадцать русских повозок, для кладки изготовлено семьдесят двухколесных телег, выписана была походная кузница, шестьдесят вёдер дегтя и сто шкур для покрытия телег.

Перед отправлением миссия получила жалованье за год 4200 руб., другая сумма, причитающаяся миссии за следующие пять лет, 28.300 р., была изготовлена в Монетном Департаменте в виде слитков серебра и выдана приставу, заведывавшему отправлением; конвойным казакам был выдан провиант и 2430 рублей жалованья; для китайского

Трибунала и чиновникам на подарки отпущено «мягкой рухляди» (мехов) и товаров на 4747 руб. 75 коп.

Миссия выехала из Кяхты за границу 17 сентября 1807 г., прибыла в Ургу 29 сентября, в Калган 22 декабря, а в Пекин 10 января 1808 года. На всём протяжении пути от китайского правительства миссии предоставлено было три переносные юрты, помещения в гостиницах, пища, дрова и вода бесплатно. Путешествие совершено благополучно. В донесении о сём Святейшему Синоду архимандрит Иакинф пишет: *«Бывший Пекинский архимандрит Софроний в минувшем феврале сдал мне церковь с имуществом, к ней принадлежащим, и оказалось всё в целости, но описи монастырскому строению и вещам, так как и отчёта в ежегодно получаемой с наших дворов, до девяносто рублей простирающейся, суммы – в силу одного указа, по его заявлению, дать он не обязан. Между тем, шестьсот рублей из помянутой суммы сдал мне в наличности, что и причислено к доходам церковным; но как кроме покоев по монастырю ничего замечательного не видно, то и описи требовать не было мне причины. Сверх того от него получены мною крепости и уверительные письма на принадлежащие монастырю пашни и дома, из коих первым опись с измерением количества китайской мерою, а последним одно счисление прилагается при сём с означением получаемых с них доходов».*

Мая 11-го 1808 года старая миссия, в составе архимандрита Софрония, церковника и трёх учеников, выехала из Пекина с теми же провожатыми, а в Калгане к ним присоединились конвойные казаки, и 6 августа прибыла в Кяхту. В знак приязни китайские пристава провожали миссию на протяжении своих районов.

Прибыв в Пекин, девятая миссия с жаром и увлечением начала изучать язык и обычаи китайцев. Архимандрит Иакинф служил примером для братии. Так продолжалось с год, в течение коего весь состав миссии, по-видимому, сделал большие успехи. Но вот, богато одарённая от природы, но страстная натура о. Иакинфа не выдержала. Ко-

гда свежесть интереса к занятиям стала постепенно тускнеть, а увлечение охладевать, чему много способствовала заброшенность вдали от родины, откуда вести получались не более одного раза в год, - широкая натура о. Иакинфа не вмещалась в рамки деловой жизни; он стал грустить и искать развлечений. К тому же физиологические особенности его организма были причиной прискорбных падений, от которых он потом не мог освободиться до конца дней своих. Всё это наложило своеобразный отпечаток на всю его последующую жизнь в Пекине; бросило его в такую среду, которая делала серьёзные занятия наукой невозможными. За ним невольно были увлечены и прочие члены миссии. Дисциплина пала; начались доносы подчинённых на начальника и наоборот; Пальмовский, Громов и иеродиакон Нектарий предались пьянству. Последний был в 1810 году отправлен в Иркутск и после суда лишён сана и отдан в военную службу. Студент Громов покончил с собою ядом. Пальмовский в 1814 году отправлен в Иркутск, где он выбыл из духовного звания и поступил чиновником в канцелярию губернатора. Жизнь миссии пришла в полное расстройство. Напрасно Трибунал старался поддержать ослабевающих членов миссии, напрасно китайский первый министр посылал чиновников увещевать о. Иакинфа, напрасно оказывал ему братское внимание и отеческую любовь. Однажды вызывал весь состав миссии в заседание Трибунала и кротко выговаривал им, убеждая всех заняться своим делом; даже к воротам миссии было прибито объявление, за печатями китайских министров, воспрещающее вход во двор миссии посторонним людям; но о. Иакинф продолжал вести себя по-прежнему, заводил знакомства с актёрами, посещал сам увеселительные заведения и приобретал известность, ронявшую его и миссию в глазах китайцев. Такая беспорядочная жизнь была причиною безрассудной траты денег, приходилось продавать доходные дома, закладывать в ломбард не только всю движимость и одежду, но и некоторые вещи церковной утвари, чтобы, буквально избег-

нуть голода. Понятно, что при такой обстановке гибли таланты, терялось время и не могло быть плодотворной работы. За все тринадцатилетнее пребывание миссии в Пекине о. Иакинфом представлен был только один труд, да и тот оказался не оригинальным, это *«Наставление в православной вере»*, извлеченное из католического катехизиса, изданного иезуитами в 1739 году. По представленной миссией ведомости от 1813 года христиан значилось: албазинцев двадцать, крещеных китайцев восемь, а всего паствы 28 человек. Служба совершалась только по праздникам, а сам о. Иакинф совершал службу только в первый день святой Пасхи, да и то не каждый год.

В то время, как русское правительство терзалось сомнениями относительно полезности миссии, сам о. Иакинф находил своё пребывание в Пекине нелишним и от 18 ноября 1816 года в донесении Святейшему Синоду выражал желание остаться на второе десятилетие и представлял соображения о составе и нуждах будущей миссии. Оно и понятно: обладая феноменальной памятью и проникая во все слои общества, о. Иакинф знакомился с литературой и обогащался теми сведениями, которые впоследствии наполнили его ученые труды. Но не суждено было раскрыться таланту о. Иакинфа здесь, в Пекине, где он, не без некоторой гордости, считал себя представителем славной России, победившей Наполеона: но там, далеко, - в душевной монашеской келье Валаама и под сводами Невской Лавры, где он тридцать лет работал, не покладая рук, над своими научными произведениями.

Между тем, к концу срока пребывания девятой миссии в Пекине, русская Коллегия Иностранных Дел долгое время была озабочена выработкой плана для новой постановки миссии и подысканием людей, чтобы не повторить ошибки, происшедшей при составлении девятой миссии. Новая миссия была возглавлена лицом, составляющим полную противоположность по жизни и характеру с о.Иакинфом. Архимандрит Петр, по прибытии в Пекин,

имел поручение произвести на месте следствие, которое и подтвердило виновность архимандрита Иакинфа.

Девятая миссия в составе архимандрита Иакинфа и его свиты в числе пяти человек выехала из Пекина 15 мая 1821 года, а в Кяхту прибыла 1 августа и тщетно провела здесь месяц в ожидании распоряжений; в начале ноября она была уже в Иркутске, откуда выехала 11 ноября по установившемуся санному пути в Петроград. Ученик Лев Зимайлов, больной горячкою, остался в Иркутске. По прибытии в Петроград весь состав миссии предан суду в марте 1822 года. Разбирательство происходило по Высочайшему повелению в Петроградской Духовной Консistorии. Все обвиняемые признаны виновными, кроме церковника Яфицкого, который затем был зачислен в братство Александро-Невской Лавры в надежде пострижения в монашество. Решение Консistorского суда, утверждённое постановлением Синода от 19 февраля 1823 года, подвергло наказанию всех: иеромонаха Серафима в Валаамский монастырь на четыре года в монастырские работы, иеромонаха Аркадия на один год во Введенский Островский монастырь для исправления жизни. Архимандрита Иакинфа, по лишении священного сана, но не исключая из духовного и монашеского звания, присуждено отправить в Соловецкий монастырь под строгий надзор. Это решение было смягчено Государем, заменившим местопребывания (вместо Соловецкого монастыря – в Валаамский). Строгий режим монастырской жизни сказался на его характере; он пробыл под строгой епитимьей до октября 1826 года, когда известный любитель и знаток Востока барон Шиллинг, случайно приехавший на Валаам и познакомившийся с ним, по возвращении в Петроград стал хлопотать за него и по Высочайшему повелению он был переведён в Невскую Лавру, чтобы своим знанием китайского и маньчжурского языка был полезным Государственной Коллегии Иностранных Дел, а в 1827 году ему определено денежное содержание по 1200 рублей в год и добавочных по 300 рублей из средств Ино-

странной Коллегии. Таким образом о. Иакинф очутился при той обстановке и при таком деле, где ему и следовало быть. Кроме постоянных трудов по должности переводчика, о. Иакинф предпринял ряд научных работ, переводных и оригинальных. С этого момента до самой смерти постоянным местом его жительства является Лавра, хотя он пользовался там большой свободой и часто по целым годам проводил в командировках от Правительства, из которых самыми серьезными были: в 1829 году с бароном Шиллингом за Байкал для выравнивания, определения пограничной черты и в 1835 году – в Кяхту для открытия и устройства там училища китайского языка; то он по целым месяцам проживал в семье родных своих, Моллер, в Петрограде и пригородной дачной местности «Мурино», но всё это делалось с разрешения Лаврского Начальства и под некоторым контролем его.

С момента переселения в Петроград начинается у о.Иакинфа кипучая литературная деятельность, продолжавшаяся свыше 26 лет, почти до самой смерти, поражавшая всех своей плодovitостью. Из целого ряда произведений о. Иакинфа выдающееся место занимают: «Русско-Китайский словарь» и особенно «Статистическое описание Китайской империи», признанное даже такими знатоками, как Архимандрит Палладий, замечательным и упрочившее за о. Иакинфом известность ученого; вообще же труды его, по словам Щукина, были добросовестны, и если личные выводы и мнения о. Иакинфа не всех убеждают, то материал, представляемый его произведениями, исключительный по количеству и разнообразию вопросов, не потерявший своего научного значения и в настоящее время, всесторонне был использован изучавшими Китай.

За личной характеристикой о. Иакинфа нужно обратиться к внучке его Моллер («Русская Старина» 1888 года август и сентябрь) и Н. Щукину («Петроградские ведомости» 1853 г. № 130), лично знавшему его. По словам этих лиц, монах он был очень плохой: обетов монашеской

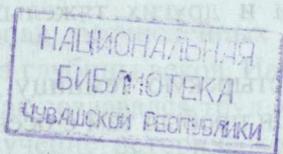
жизни нести не мог. Сознывая свои слабости, он в 1830 году просил Святейший Синод о расстрижении, но хотя Св. Синод и согласился с его просьбой, Государь Император представление о расстрижении не утвердил. Можно предполагать, что он не был чужд от увлечения идеями «декабристов»: другом его по словам самого о. Иакинфа был декабрист Бестужев и память о нём он прямо чтит: четки, сделанные Бестужевым, с крестиком, сделанным из оков Бестужева и висевшим на этих четках, он никогда не снимал, даже во время сна, говоря, что они дороги ему по воспоминаниям. О. Иакинфа знали и Государь Император и другие члены Царской семьи. Принц Петр Ольденбургский даже навещал его. По характеру своему он был очень добрый человек, готовый помочь каждому, чем только мог. Жители Мурина и по сие время помнят «о. Икима» за доброе отношение к ним. Но он был крайне вспыльчив, груб подчас, неводержан в словах (брани), с некоторыми странностями от юных дней: вместе с серьёзностью у него было и некоторое легкомыслие. В наружности его было что-то азиатское: лицо имел длинное, несколько скуловатое, глаза узкие, немного клинообразные, бороду узкую редкую, нижнюю губу довольно толстую; волосы черные со значительною проседью; над глазами, живыми и умными, чернели густые брови; фигура была высокая, всегда худощавая.

В декабре 1838 года ему объявлено Высочайшее благоволение за перевод (с японского) сочинения «*Описание монет Китая*». В 1828 году им изданы: «*Записки о Монголии*», «*Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана*» и «*Описание Пекина*». В следующем году издана «*История первых четырёх ханов из Чингизова дома*». В 1834 году – «*Историческое обозрение ойротов и калмыков*», в 1840 году вышла книга «*Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение*»; в 1842 году – «*Статистическое описание Китайской Империи*»; в 1848 году – «*Китай в гражданском и нравственном состоянии*»; в 1851 году напечатано «*Собрание сведений о народах, обитавших в*

Средней Азии в древнейшие времена». Ещё был переведён о. Иакинфом и издан с китайским текстом «*Сань-цзы-цзынь*», или Троеслобие. В бумагах Азиатского Департамента осталось неизданное сочинение о. Иакинфа «*Описание религии ученых китайцев*», изданное уже впоследствии Духовной Миссией. Все сочинения о. Иакинфа издавались по Высочайшему повелению и составляют библиографическую редкость; только «*Описание Пекина*», «*Статистическое описание Китайской Империи*», «*Китай в гражданском и нравственном состоянии*» и «*Сань-цзы-цзынь*», а также и «*Китайская грамматика*», прежде печатанная литографией, - переизданы Пекинской духовной миссией, где и можно их приобрести. Научные труды о. Иакинфа отличаются трезвостью взгляда, тщательностью обработки и документальной обоснованностью.

Умер о. Иакинф в довольно преклонном возрасте, 76 лет, в 6 часов утра 11 мая 1853 года, в Александроневской Лавре и там же похоронен на Старо-Лазаревском кладбище близ алтаря церкви Божьей Матери Всех Скорбящих радости. Смерти предшествовала продолжительная, в течение почти двух лет, болезнь, а последние четыре месяца жизни его постепенно разбивал паралич. Перед смертью он несколько раз исповедывался и приобщался святых Христовых тайн и соборовался. Заупокойную литургию и чин отпевания его совершил Пекинский архимандрит Гурий.

Пекин,
1916 г.

Сергей МАРКОВ

НЕУТОМИМЫЙ ИАКИНФ БИЧУРИН

Седой человек в монашеской одежде, перебирая железные четки, выкованные из звеньев цепей декабристов, подаренные ему когда-то Николаем Бестужевым, подолгу рассматривал древние иероглифы. Груды китайских рукописей лежали на его столе. Заточенный на весь остаток жизни в келье Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, монах Иакинф самоотверженно занимался наукой.

Никита Яковлевич Бичурин, как звали Иакинфа до пострижения в монахи, к 1851 году написал свыше 15 замечательных научных трудов. С 1807 по 1821 год он жил в Пекине, в доме Русской Духовной миссии, изучая Китай, его культуру, быт населения и ревностно собирая древние рукописи, летописи, китайские географические карты. Когда Бичурин возвращался на родину, с ним следовал целый караван. Пятнадцать верблюдов несли тяжелые вьюки с книгами и рукописями.

Но приняться немедленно за обработку своих научных сокровищ Бичурин не смог. По возвращении в Санкт-Петербург ученый стал жертвой доноса. Доносители обвиняли его в безбожии, отречении от правил церкви, развале деятельности пекинской миссии и других тяжелых «грехах».

Иакинф был заточен в монастырскую темницу на глухом острове Ладожского озера. Он пробыл там с осени 1823 по конец 1826 года. Только усиленные хлопоты русских ученых заставили церковников перевести Бичурина в

Санкт-Петербург, в Александро-Невскую лавру. Здесь, в новом заточении, Иакинф принялся за свои великие труды, продолжавшиеся до самой смерти в 1853 году. Он успел «один сделать столько, сколько может сделать целое ученое общество»,— писал об этом удивительном человеке один из его современников.

Четыре сочинения Иакинфа были увенчаны Демидовской премией Петербургской академии наук. Он сделался непревзойденным знатоком истории жизни народов Китая и Центральной Азии: китайцев, монголов, тибетцев чжунгаров, маньчжуров, уйгуров. «Описание Тибета», «Записки о Монголии», «Историческое обозрение ойротов», описание Пекина, на подробное изучение которого Иакинф потратил несколько лет жизни,— вот далеко не полный перечень книг, написанных им до 1851 года.

В 1851 году из печати вышел обширный труд Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». До этого никто еще не знакомил русскую и мировую науку с китайскими историческими источниками непосредственно в подлинниках. Исследователи обычно прибегали к изложениям, произвольным толкованиям того или иного китайского сочинения.

Иакинф перевел и изучил «Историю Старшего Дома Хань», охватывающую время с 202 года до нашей эры по 25 год нашей эры, «Историю Дома Тхан» — от 618 до 907 года нашей эры и пять других старинных летописных источников. Огромные познания Бичурина помогали ему разбираться в сложных событиях, описанных китайскими летописцами, точно датировать эти события, что само по себе было примером поразительного трудолюбия и научного подвига.

Водопад бесчисленных ценных сведений, низвергавшийся из глубины веков, Иакинф сумел направить в строгое русло. Так создавался труд, без которого до сих пор невозможно изучение исторического прошлого народов Китая и Центральной Азии. За столетие, истекшее со времени выхода этой книги, она стала большой редкостью. Иакинф при-

водил свидетельства о жизни древних народов – хуннов, усуней, юечжей, хягасов, киданей, улоху, динлинов и других. Свидетельства эти говорят о древнейших связях Китая с народами Центральной Азии и областей Туркестана.

Около 104 года до нашей эры умер китайский путешественник Чжан-кянь, принесший в свою страну вести о «Западных странах». Он первым поведал о стране «Даюань» (Коканде), где было много золотого винограда, «небесных» коней и кормовой травы «му-су», на которой паслись чудесные кони Ферганской долины. Впоследствии в Китай были пригнаны первые табуны туркестанских скакунов, а семена травы «му-су», посеянные возле богдыханского дворца, дали обильные всходы. Тогда же в Китае были посажены и первые виноградные черенки, привезенные из Коканды. В богдыханском саду прижились вишни Каны (так китайцы называли область Самарканда), доставленные в Китай в VII веке.

Где-то в Бухарском оазисе, неподалеку от Катта-Кургана, в VII веке нашей эры стоял древний город Фумо, или Хэ, входивший в состав страны Малый Кангюй. Он находился на скрещении великих торговых путей, что было видно из стенной росписи фумосского дворца. На четырех стенах здания – возможно, караван-сарая – были нарисованы изображения ханов Средней Азии, владык Индии и Китая.

Туркестанские мастера были очень искусны. В 424 году нашей эры люди, приехавшие в Китай из страны Большой Юечжи, столица которого находилась в Хиве, обучили китайцев изготовлению цветного стекла.

Рыжие и голубоглазые обитатели страны хягасов ходили в одеждах из собольих и рысьих мехов. Татуированные воины отважно сражались с уйгурами, покушавшимися на завоевание страны хягасов. Любопытны дальние торговые связи этого народа. Один раз в каждые три года из страны Даши к хягасам приходили караваны с драгоценными арабскими тканями. Хягасы настолько прославились в Китае, что по приказу одного из богдыханов было создано

изображение «государя хягас» и составлено описание хягасской державы, простиравшейся от Енисея и Оби до Восточного Туркестана и предгорий Тянь-Шаня. Из уст хягаса Чжуву Хэ-со (Меткий Левша), побывавшего в Китае, китайские ученые узнали о быте и занятиях людей этой державы, обитавших в войлочных шатрах и ловивших рыбу на осетровых реках.

В рукописях и книгах историков Китая написано о стране Шивей, располагавшейся, очевидно, в верховьях Амура и Забайкалье. Это область суровых снегов и вместе с тем обиталище дорогих соболей. Шивейцы носили одежду, сшитую из рыбьих кож и на зиму уходили в подземные жилища. Некоторые ученые отождествляют с шивейцами тунгусов.

Иакинф поведал об обширных международных связях Китая. Китайцы еще в V - VI столетиях нашей эры знали об обитателях Северной Америки, которую они называли страной Фузан. Есть на первый взгляд фантастическое повествование путешественника Хой Шеня, который в 502 году нашей эры явился к императору Ю-фи и доложил ему сведения о Фузане и его жителях. Сведения эти были записаны и впоследствии обработаны знаменитым ученым Ма Дуань-линем. Не важно, побывал ли сам Хой Шень в стране за великим морем. Известно другое: китайцы имели точное представление о пути в Америку через Алеутские острова и Аляску.

К 636 году относится свидетельство летописи о далекой стране Канг-Танг на самом юге Тихого океана.

В 97 году нашей эры путешественник Гань Ин сумел пройти из Китая в страну Тяочжи, к западному Великому морю (Средиземное море). Он расспросил корабельщиков о дальнейшей дороге в римские владения, и те сказали ему, что Великое море пространно, плыть по нему трудно и путники часто заболевают тоской по родине. Гань Ин, достигший Средиземного моря, вероятно через Иран, повернул обратно в Китай. «В прошлое время никто из китайцев не проникал так далеко», — замечает летописец. По возвращении на родину Гань Ин подробно описал страны, посещенные им во время похода.

В 166 году нашей эры в гаванях Аннама появился корабль из далеких стран. На нем следовал в Китай посланник западного властелина Ань-туня с подарками, состоявшими из слоновой кости, панцирей черепах и рогов нарвала. В VII веке китайцы принимали у себя посланников калифа Османа, зятя Магомета. В связи с этим посольством китайские летописцы занесли в свои книги удивительные сведения из жизнеописания Магомета, свидетельства о походе арабов на Византию и Ново-Персидское царство.

Византия и Индия, Кашгар и Персия, Аравия и далекие острова Южного океана – вот откуда протягивались в древний Китай нити политических и торговых связей. На службе у китайского правительства в VII веке состоял алхимик Лугаидо, родом из Восточной Индии. Зверинцы богдыханских дворцов пополнялись живыми сокровищами: «говорящими птицами», львами, леопардами, «птицами-верблюдами», яками, зубрами, слонами. Золото, горный хрусталь, агат, самоцветы, шкуры львов и барсов, соболя и куницы, кораллы и страусовые перья – все это доставлялось в Китай из самых далеких стран.

Вот что можно прочесть в летописях, открытых Бичуриным в тиши пекинских библиотек и столь тщательно переведенных им.

Питая глубочайшее уважение к китайскому народу, его наукам и словесности, Иакинф сделал много для изучения китайского языка в России. В годы, когда его пальцы впервые прикасались к железным бестужевским четкам, он открыл училище китайского языка в Кяхте, а затем составил китайскую грамматику для кяхтинских учеников. Иакинф работал также над китайско-русским словарем.

Вырываясь на время из-под надзора монастырского начальства, Иакинф совершал путешествия в Забайкалье, уже знакомое ему по поездкам в Китай. Там он собирал редкие монгольские и тибетские книги в бурятских монастырях, предметы восточного искусства. Часть этих коллекций хранится сейчас в научных учреждениях Академии наук СССР.

В 1831 году Иакинф составил очерк Байкала. Этот труд был отправлен А. С. Пушкину для альманаха «Северные цветы». Известно, что А. С. Пушкин высоко ценил знания Бичурина и получал в подарок от него книги с авторскими надписями.

Умер Иакинф Бичурин в 1853 году в келье Александровской лавры в нищете и одиночестве. В уважение к его заслугам на скромном памятнике наряду с русской надписью были начертаны китайские письмена, которые гласили: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими его славу историческими трудами».

Москва,
1982 г.

Виталий ЗОЛотов

ИАКИНФ БИЧУРИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ УЧЁНЫЙ

Никита Яковлевич Бичурин родился 29 августа (9 сентября) 1777 года в селе Акулево (ныне Типнеры) Чебоксарского уезда Казанской губернии в семье чувашского священнослужителя. Никитин отец – Иаков происходил из простых крестьян. Когда малышу исполнилось два года, семья священника переехала в другой приход – в село Пичурино (по-чувашски Шёнерпус).

По сведениям известного чувашского историка В.Д. Дмитриева дед Никиты, чуваш Данил, тоже был служителем культа.

Мальчонка с самых ранних лет был пытлив, проявлял удивительную понятливость. По церковным книгам отца научился читать и по-славянски, и по-гречески; без особых затруднений за короткое время освоил греческую грамматику. Деревенский священник гордился сыном, верил, что Никиту, щедро одарённого Всевышним, ждёт блестящая будущность, что он одолеет всякую премудрость. Для продолжения обучения священник отвёз восьмилетнего сына в Свяяжск в школу нотного пения в Богородицком монастыре.

В 1787 году Никиту, как способного ученика, послали в Казань и сразу же приняли в третий класс духовной семинарии. По повелению семинарского начальства здесь он получил фамилию Пичуринский, по названию села, где прошли его детские годы.

В Казанской духовной семинарии, открытой ещё по указу императора Петра Первого, будущих священнослужителей готовили основательно: они обучались чтению и письму по-

гречески и по-латыни, посвящались в учения о церковных таинствах. Семинаристы должны были уметь сочинять проповеди, речи и послания, даже слагать вирши. Для этого имелись классы информатории, фары, инфимы, грамматики, синтаксисы, пиитики (поэзии), риторики, философии и богословия. Порядки были строгие – лентяев и нерадивых нещадно секли розгами. Никита Бичурин ни разу лозы не испробовал – учение ему давалось легко, он, способный и трудолюбивый, учился с оценками *«превосходно»* или *«препохвально»*.

На исходе XVIII века, в 1798 году, Казанская семинария была преобразована в Духовную академию; учебное заведение заметно расширилось, потребовались дополнительные преподаватели. Н.Я. Бичурина, как наиболее подготовленного семинариста, назначили учителем класса информатории для обучения русскому чтению и письму.

В стенах семинарии-академии, успешно освоив полный курс обучения в 1787-1799 г.г., Н.Я. Бичурин получил прекрасное образование. Кроме богословско-философских дисциплин он старательно изучал общую и российскую историю, географию, всемирную литературу. Даровитый и любознательный юноша мог свободно объясняться по-латыни, говорил и писал по-французски, владел греческим и немецким языками. В семинарии он получил умения и навыки рисования, пробовал себя в стихосложении, подражая М.В. Ломоносову и Г.Р. Державину, слагал оды.

В 1800 году в жизни Никиты Бичурина произошли крутые перемены: по своей воле он принял монашество, после пострижения в монахи мирское имя переменял – наречён Иакинфом. Отдельные биографы Бичурина предполагают, что трагическую роль в постриге его в монахи сыграли романтические мотивы. Да, действительно двое семинаристов-богословов с юношеской пылкостью были влюблены в красавицу Татьяну – дочь казанского дворянина Л.П. Саблукова. Девушка предпочла выйти замуж за друга Никиты. Но всё же не это событие было главной причиной принятия монашества. Семинаристу с незаурядными способностями в течение четырнадцати лет учёбы по-отечески покровительствовал при-

ветливый и добрый наставник архиепископ Амвросий Подобедов – в будущем митрополит Казанский. Он в трудные минуты обогрел Никиту человеческой лаской, ввёл его в мир книг, подвигнул на путь знания. По совету заботливого старшего друга двадцатидвухлетний Бичурин надел на себя монашеский чёрный клобук и рясу, удалился от мира. Чего достиг бы в миру сын безвестного бедного священника чувашского села Пичурино?

Монашеским постригом преосвященный Амвросий уготовил Бичурину путь – трудный и тернистый путь учёного. Сразу же с пострижением отец Иакинф был зачислен в соборные монахи Александро-Невской лавры и произведён в иеродиаконы. Необходимо отметить, что Амвросий Подобедов потечески следил и за судьбой монаха Иакинфа, переписывался со своим любимцем, давал житейские советы, когда молодой пастырь исполнял непростые обязанности настоятеля Казанского Иоанновского монастыря и преподавателя высшего красноречия в Духовной академии.

* * *

В 1802 году по указу Святейшего Синода Иакинф Бичурин был назначен настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря. Одновременно он начал исполнять обязанности ректора Духовной семинарии и был присутствующим в консистории. В июне этого же года он был возведён в сан архимандрита. Молодой ректор семинарии с инициативой и рьяно взялся за вверенное ему дело. Однако его энергичные и решительные действия по нововведению в программах обучения, правилах поведения семинаристов по образцу Казанской семинарии, а также его требовательность и строгость были встречены в штыки контингентом учащихся. Среди семинаристов возникло волнение. В связи с этим событием, а также за нарушение монашеского обета Иакинф Бичурин Святейшим Синодом был лишён звания архимандрита и переведён в Тобольскую семинарию на должность учителя риторики. В Тобольске он находился под наблюдением настоятеля Знаменского монастыря. Здесь отец Иакинф своим преподаванием и безупреч-

ным поведением вскоре заслужил уважение и признание не только семинарского начальства, но и монашеского братства. Его полюбили за глубокие знания, доброту и отзывчивость.

В 1807 году преподавателя Тобольской семинарии Иакинфа Бичурина, по определению митрополита Новгородского и Петербургского Амвросия Подобедова Святейший Синод утвердил главой новой (девятой по счёту) духовной миссии в Китае и посвятил его в высокий сан архимандрита Сретенского монастыря в Пекине.

Перед пытливым монахом открылись широкий мир странствий и открытий, ещё как следует не изведанные европейцами тайны древнего Чжунго или Срединного государства, как китайцы называли свою империю. Сразу же с пересечением границы, в Монголии, острое желание всё видеть и знать стало путеводной звездой отца Иакинфа. Будущее стало ясным. Он твёрдо знал, что избранный путь прекрасен, хотя невероятно труден, потому что он не знал языка восточных народов. Но тогда он даже не предполагал, что глубинное изучение Востока станет делом всей его жизни.

Неутомимый монах шел шаг за шагом по выбранному пути. Все, что слышали уши и видели глаза, все, что замечали сердце и ум, а в целом впечатления каждого дня Бичурин записывал в толстую тетрадь, дошедшую до нас «памятную книжку». В его дневнике также можно прочесть сотни записей мудрых изречений китайских мыслителей как, например: *«Учиться - это грести против течения, и лишь перестанешь - тебя унесет назад»*. Это сказал великий Кун-цзы (Конфуций). Или *«великая истина не может проникнуть в грубые уши»*. Русский далама (монах), как почтительно называли его китайцы, неистово, с большим усердием учился. После года пребывания в Китае в тетради появилась запись: *«Необходимо знать не менее пяти тысяч иероглифов, а для свободного чтения книг следует в два раза более»*. Но на пути почти непреодолимая преграда - не было разговорников, тем более словарей; никто из русских предыдущих миссий китайской грамотой не занимался. Единственное, что попало в руки Иакинфа через забредшего в русское подворье в гости порту-

гальского монаха, был скудный латино-китайский словарь, не свободный от существенных неточностей.

Отец Иакинф стал составлять по крупницам китайско-русский словарь. На это ушло пять лет кропотливого, а порой изнурительного труда. Свой словарь он пополнял каждодневно, встречаясь на прогулках по Пекину с горожанами, главным образом, с ремесленниками и книготорговцами. Собранные за день слова он располагал по алфавиту, по несколько раз переписывая таинственные иероглифы, заучивал их значение, проверял вслух и про себя. Десятки тетрадей с искусно начертанными иероглифами и их значениями на русском языке ему подсказали, что письменность в Китае управляется своими мудрыми законами, удобными для выражения всех оттенков человеческой мысли. Иакинф проник в тайны этих законов.

Изучением китайского языка и иероглифики Бичурин занимался самозабвенно. Иногда за работой не замечал времени и не раз в окна кельи архимандрита заглядывали первые лучи солнца, а он все сидел за разгадкой древних изящных знаков китайской письменности. Китайско-русский словарь отец Иакинф собственноручно переписал четыре раза. В результате упорного труда он профессионально освоил два языка, принятых в Китае: вэнь-хуа и синь-хуа - письменный и разговорный. Обогатив свою память более десятком тысячами иероглифов, Н.Я. Бичурин стал изучать географические и исторические названия, читать и переводить труды китайских ученых, древние рукописи. В Пекине Иакинфом были сделаны первые исследования по Китаю, подготовлены материалы, которые затем увидели свет на родине.

За 14 лет пребывания в Китае Никита Яковлевич Бичурин искренне полюбил трудолюбивый китайский народ. Китайцы отвечали ему взаимностью, бескорыстно помогали в его титаническом труде, называли уважительно И-лао (господин Иакинф). Свое отношение к Китаю отец Иакинф выразил в дневнике: *«...Вот уже почти год я в Срединном государстве. А что стало мне ведомо о людях Джунго? Неужели и для меня, как и для иных чужеземцев, он останется землей неиз-*

вестной - terra incognita?

Китай - символ застоя, косности, неподвижности! Нет, лишь невежество могло родить столь нелепое воззрение!

Миссионеры католические и протестантские, братья Ордена иезуитов, францисканцы, бенедиктинцы - первооткрыватели Поднебесной империи. Люди с крестом в одной руке, аршином в другой рисуют Китай черными красками. Это льстит Европе, и даже ее лучшие ученые представляют Срединное государство в самом темном свете.

Некий гейдельбергский профессор в своей многотомной «Всеобщей истории мира» минувшие судьбы Китая за четыре тысячи лет ухитрился изложить в нескольких строчках. Не хотел ли ученый этим умалить значение великого народа?

Или у народа Чжунго нет историографии, и потому его древняя жизнь не оставила следа? Нет, не всякий народ может гордиться тем, что обладает летописями, начатыми еще в 841 году до рождения Христа. А по существу историческая наука зародилась здесь уже при основании империи и свидетельствует о событиях - подумать только! - сорока двух веков.

В незапамятные времена в Срединном государстве сложилась письменность. Здесь свои обычаи, своя культура. За тысячу лет до европейцев китаец Цай Лунь постиг искусство приготовления бумаги из тряпья и сухой коры. Уже в одиннадцатом веке другой китаец Би шэн, на пятьсот лет ранее прославленного Иоганна Гутенберга, изобрел подвижной шрифт для книгопечатания. Матрицы с его шрифтом, сделанным из фарфора, хранятся в монастырях. Поэтому и ныне возможно печатать старинные книги, в точности повторяя первоиздания.

На столе передо мной первая в мире газета - «Цзин бао», «Столичный вестник», - она выходит в Пекине уже в течение многих веков.

А компас - кусок дерева с выдолбленным в нем отверстием для воды, в котором плавает на деревянной подкладке магнитная игла - это изобретение простое, как все гениальное, было сделано китайцами за несколько столетий до рождест-

ва Христова.

А порох, который они первыми в истории человечества изобрели, и притом для самой мирной и веселой цели - фейерверков.

А что земля круглая, в Срединном государстве знали за тысячу лет до Коперника».

Когда в 1821 году глава духовной миссии возвращался на родину, с ним следовал через пустыню Гоби целый караван. Не шелк, не фарфор и не порох вывез отец Иакинф в Россию из Китая. Пятнадцать верблюдов несли тяжелые выюки весом в четыреста пудов с книгами, рукописями, географическими картами, рисунками, которые Бичурин ревностно собирал и покупал на многочисленных рынках и в книжных лавках Пекина. В этом заключается его патриотическое служение Отечеству.

* * *

Возвращение в Петербург для Н.Я. Бичурина оказалось трагическим. Архимандрит Петр Каменский, сменивший его в Пекине, в столицу донес, что глава миссии отец Иакинф, вместо того, чтобы проявлять рвение в религии и поддерживать в православии выходцев из России, занялся тем, что вовсе ему делать не надлежало. Над Иакинфом Бичуриным сгустились грозные тучи. Он ждал сурового наказания Святейшим Синодом. Отец Иакинф не старался ни оправдываться, ни тем более разубеждать - он верил, что в будущем о его действиях в Китае рассудят по-другому.

Церковный суд за *«небрежение священнодействием и законопротивные поступки»* отца Иакинфа лишил сана архимандрита, и в 1823 году он был сослан пожизненно на остров Валаам. Мужественный монах этот приговор принял спокойно, не упал духом и в заточении ни на один день не прекратил свои научные занятия, даже работал с необыкновенным рвением.

Три года спустя, благодаря своим удивительным познаниям по Китаю и блестящему знанию китайского языка, Н.Я. Бичурин смог вернуться в Петербург. По ходатайству

влиятельных лиц из Государственной коллегии иностранных дел новый император российской империи Николай I высочайше повелел: *«Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту»*. И в 1826 году он был переведен из Валаамского монастыря в Александро-Невскую лавру. В жизни монаха начался новый этап подвижнического труда.

Накопленные им уникальные по своей обширности и глубине познания по Востоку, колоссальный запас нерастраченной энергии позволили ему в последующие двадцать лет написать свыше семидесяти фундаментальных научных трудов по философии, истории, географии, этнографии, социальному устройству и культуре не только Китая, но и других стран Центральной и Восточной Азии. Часть книг отца Иакинфа сразу же после выхода в свет в Петербурге была переведена на французский и немецкий языки. Это принесло Н.Я. Бичурину европейскую славу. О нём заговорили как о лучшем синологе современности.

Монах-чиновник, рескриптом самого царя утвержденный в Министерстве иностранных дел Российской империи, начал смело появляться в салонах столицы, немало смущая скромной черной рясой дам в бальных туалетах и франтов во фраках. С ним искали знакомства. Об ученом монахе пересказывали удивительные истории.

Потребовались немалые деньги для издания первой книги под названием *«Описание Тибета»*. Красавица княгиня Зинаида Волконская – поэтесса, композитор, певица – оказала бескорыстную поддержку бедному монаху в этом деле. В знак благодарности Иакинф на титульной странице книги поставил посвящение благотворительнице: *«Ея сиятельству княгине Зинаиде Александровне Волконской, урожденной княжне Белосельской-Белозерской»*.

Эту книгу – своё первое детище – Н.Я. Бичурин преподнёс молодому другу Александру Пушкину с дарственной надписью: *«Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения»*. Последующие книги, а их издано около двадцати,

увидели свет благодаря честно заработанным гонорарам.

Отец Иакинф часто посещал литературный салон князя В.Ф. Одоевского, тут он встречался и беседовал с В.Г. Белинским, А.И. Герценом, И.И. Панаевым и М.И.Глинкой, с упоением слушал басни И.А. Крылова. Н.Я. Бичурин, общаясь с лучшими деятелями русской культуры, приобщился к литературной работе. Множество его статей, очерков и переводов наперехват печатались в периодических изданиях: *«Отечественных записках»*, *«Телескопе»*, *«Сыне отечества»*, *«Русском вестнике»*, *«Современнике»* и др.

Востоковед и историк Н.И. Веселовский писал о нём: *«С этого времени начинается его неутомимая литературная деятельность, изумлявшая не только русский, но даже иностранный учёный мир»*.

В острых статьях с присущей ему страстностью Н.Я. Бичурин настойчиво полемизировал со многими европейскими учёными, изображавшими Китай страной варварской и отсталой. С особой гордостью он защищал русское востоковедение.

В 1828 году за выдающиеся заслуги в области востоковедения Иакинф Бичурин был заслуженно избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. По представлению группы французских учёных в 1831 году он становится действительным членом Азиатского общества в Париже. Четыре раза Академия присуждала Н.Я. Бичурину Демидовские премии – высшую научную награду России. Первым отметили труд *«Историческое обозрение ойратов или калмыков»* (1834 г.). Академия присудила ему премию за грамматику китайского языка *«Хань вынь ци мин»* (1837 г.). Высоким признанием научной ценности его исследований явилось присуждение премий за *«Статистическое описание Китайской империи»*, в котором со всей полнотой он объяснил государственное и гражданское устройство Чжунго (1842 г.) и *«Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»* (1849 г.).

Н.Я. Бичурин дважды (1830-1831, 1835-1838) принимал участие в экспедициях по Сибири. В Кяхте (Бурятия) им было основано училище китайского языка. Во время поездок по За-

байкалью он встречался со ссыльными декабристами. Особые дружеские отношения связывали его с Николаем Бестужевым.

В последние годы жизни Н.Я.Бичурин выезжал на лето из Александро-Невской лавры в Мурино – большое село, принадлежавшее графу Воронцову.

Здесь, на загородной даче своего друга А.И.Карсунского, вдали от столичной суеты, он занимался переводами древних китайских рукописей. Внучка Александра Карсунского Н.С.Моллер вспоминала:

«Отец Иакинф пользовался в Мурино большой популярностью и уважением. Его все там знали - как дачники, так и крестьяне - с мала до велика. Крестьяне называли его отец Иким, и предание о нем сохранилось между ними до сих пор. По свойственной ему доброте он помогал каждому из крестьян, кто обращался к нему за помощью. Больным, дряхлым и одиноким он сам носил деньги. Были у него и влюбленные нищие, которым по праздникам он давал серебряные монеты. Не только муринские крестьяне, но из всех окрестных деревень приходили к нему за помощью, и никому он не отказывал в ней. За это его знали и любили не только в Мурине, но и во всей окрестности...»

Отец Иакинф скончался в возрасте 76 лет в келье Александро-Невской лавры.

Жизнь оборвалась 11 (25) мая 1853 года. Но память о великом монахе осталась в его бессмертных творениях. Бичуринские работы - высокий образец описания жизни народов. В фундаментальных трудах Н.Я.Бичурина содержатся уникальные сведения об истории китайцев, монголов, тибетцев, калмыков и других народов Востока. Эти сведения до сих пор не утратили свои ценности, они востребованы мировой культурой.

Санкт-Петербург,
январь 2003 г.

Виталий ЗОЛОТОВ

ПЕШКОМ ПО СЛЕДАМ ОТЦА ИАКИНФА

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

В Петербурге в 1795 году была учреждена, а в 1814 году открыта Публичная библиотека (ныне Государственная Российская национальная библиотека). Отец Иакинф с приездом в Петербург стал постоянным посетителем главного хранилища - храма знаний в России. От Александроневской лавры до библиотеки у Гостиного двора (ныне площадь Островского) он ходил пешком - у бедного монаха не было денег на извозчика. И каждый раз его пеший поход длился до 40 минут только в одну сторону. Вскоре отца Иакинфа включили в число почетных библиотекарей, и это назначение было утверждено императором Николаем I. Привожу любопытный диалог директора Публичной библиотеки А.Н. Оленина с монахом по этому поводу, который с большой теплотой описал ленинградский писатель и китаевед В.Н. Кривцов во второй части замечательного романа «Отец Иакинф»:

- Кроме вас, - признался он (Оленин. - **В.З.**), - никого не могу я употребить для этой цели - ни из чиновников библиотеки, ни из известных в столице ученых. Другими-то почетными библиотекарями я уже обзавелся. Они любезно согласились возглавить разбор и описание фондов на санскрите, на персидском, турецком и арабском языках. А вот китайский и японский, кроме вас, доверить мне некому.

Иакинф, разумеется, с готовностью согласился.

Оленин прибавил, что испросил у министра согласия выплачивать ему, Иакинфу, на проезд из лавры по семисот

рублей в год, которые по скудости монашеского содержания ему необходимы.

– Покорнейше благодарю, Алексей Николаевич, – сказал Иакинф. – Можно б, конечно, и не испрашивать этих денег, господь с ними. Не ради денег беру я на себя труд сей. Впрочем, они, конечно, не помешают, – улыбнулся он.

– Не помешают, отец Иакинф, не помешают! Остальные – то почетные библиотекари все люди достаточные – профессора да академики. Каждый получает немалый оклад в своем ведомстве. И то я надеюсь изыскать способ вознаградить их за труды. Один вы – простой монах. А путь от лавры – не близкий, не шлепать же вам в самом деле через весь город пешком. Иакинф не стал спорить. (*«Время собирать камни»*). Глава шестая.)

На днях от Национальной библиотеки до Александроневской лавры я прошел пешком. Особо не спешил, и время у меня в пути заняло чуть более одного часа. «Проворный, однако же, и неутомимый был старец из кельи мужского монастыря», – подумал я невольно, открывая с волнением двери Некрополя XVIII века. Прошел по знакомой тропинке в дальний угол городского музея скульптуры, где под тяжелой плитой обрели покой бранные кости монаха.

Рассматривая внимательно могилу Н.Я Бичурина, обнаружил, что обелиск из черного гранита в хорошем состоянии. Неглубокие щербинки на нем от попаданий осколков фашистских артиллерийских снарядов и авиабомб даже облагораживают его, свидетельствуя о том, что прошедшую суровую Отечественную войну он выстоял так же стойко, как и весь блокадный Ленинград. Немного потускнела строгая вертикальная загадочная надпись китайскими иероглифами. Но вот совсем обветшал от времени пьедестал – надгробная плита: местами он обломился, ушел в землю. Конечно же, тут требуются реставрационные работы.

Своими мыслями поделился я с обаятельной женщиной – главным хранителем музея – Верой Валентиновной Рытиковой. Одобряя полностью замыслы по реставрации могилы Н.Я.Бичурина, она тихим голосом произнесла наизусть пе-

ревод эпитафии на памятнике отцу Иакинфу:

*"Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на
анналы истории"*.

Сообщаю ей, что есть другой вариант перевода этих иероглифов:

*"Постоянно прилежно трудился над увековечившими его
славу историческими трудами"*.

Моя собеседница мило улыбается: «От Вас впервые слышу такой перевод».

Да, есть замечательный очерк писателя Сергея Маркова «Неутомимый отец Иакинф». Этот перевод оттуда. Без особых слов понимаем друг друга - оба варианта перевода поэтически трогательны.

Выходя из Некрополя с грустными думами, я твердо решил: на очередном собрании правления нашего землячества обязательно расскажу об увиденном в музее городской скульптуры. Мы, чуваши, в большом долгу перед великим ученым, который своими бессмертными трудами прославил и возвеличил нашу Родину – Россию.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Сойдя с трамвая у Инженерного (Михайловского) замка, я медленно шел через Марсово поле (Царицын луг) в сторону набережной Невы. Впереди открылся вид на Мраморный дворец – «Каменный дом на Миллионной-Луговой», как его иногда называли во времена Никиты Бичурина. Справа – Летний сад с его удивительной оградой, о которой ученый-минералог Д.Н. Соколов писал: «Набережная Петербурга и решетка Летнего сада могут быть причислены к чудесам мира».

Отец Иакинф иногда прогуливался один, а чаще с друзьями, по Летнему саду и Царицыному лугу. Здесь, на природе, после безмолвной кельи в компании с Александром Пушкиным, Иваном Крыловым, Владимиром Одоевским он отдыхал душой, делился с ними сокровенными мечтами. У В.Н. Кривцова читаем: «Не без влияния встреч с Иакинфом

Владимир Федорович Одоевский примется за свой оставшийся, к сожалению, не оконченным фантастический роман «4338-й год», в котором важное место займут прогнозы о взаимоотношениях России с Китаем, а главным героем будет китаец из сорок четвертого столетия».

Я пересек Марсово поле и через Суворовскую площадь вышел на берег по-осеннему хмурой Невы. Неотступно преследует меня вопрос, а известно ли было Никите Бичурину то, что в создание совершеннейших, редчайших произведений мировой архитектуры – Мраморного дворца и ограды Летнего сада – вложил свой ум, отдал тепло сердца и неугасимую энергию надворный советник Конторы строевых чуваш Петр Егоров, воспитанник генерал-майора артиллерии князя Е.Л. Дадияни – сподвижника Петра Великого? Утвердительно сказать: «Да, знал» нельзя, ибо в архивах проливающих свет на этот вопрос документов пока не обнаружено. Но, несмотря на это, нельзя отвергать, что пылкий ум монаха из кельи Александро-Невской лавры мог проникнуть в таинственные дебри истории и по этому вопросу. Он очень много знал.

С такими мыслями переступил я порог Ново-Михайловского дворца на Дворцовой набережной. Это здание, построенное в XIX веке, с богатым и пышным убранством внутренних помещений, было предназначено для великосветских приемов и балов. Ныне здесь расположен Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук. На кафедре истории Дальнего Востока Государственного университета мне подсказали, что в Институте востоковедения хранится портрет Н.Я. Бичурина в полный рост.

Поэтому, отложив все срочные дела, с фотоаппаратом я поспешил к востоковедам. Первый разговор состоялся в кабинете ученого секретаря, доктора исторических наук Ирины Федоровны Поповой. Сразу же протянул ей как визитную карточку книгу «Чуваши. Этническая история и традиционная культура» и ряд материалов о Н.Я. Бичурине.

– Отец Иакинф на этом портрете похож на Емельяна Пу-

гачева, – сказала моя собеседница после просмотра книг и документов, выйдя из задумчивости. – Он действительно из чувашей? Может быть, из донских казаков? Я сама с Дона, донская казачка, – добавила она, чуть смущаясь. Тайком, краем прищуренных глаз я заметил – есть в ней что-то от шолоховской Аксиньи в исполнении актрисы Элины Быстрицкой: и стать, и улыбка, и женское обаяние...

– Настоящий чуваш, родом из чувашского села Шинери, сын чувашского священнослужителя, – проговорил я скороговоркой, подчеркивая с особой гордостью происхождение великого монаха. В подтверждение сказанному прочитал отрывок из книги А.В. Таланова и Н.И. Ромовой «Друг Джунго».

– Какого прихода будете?

– Мы дальние, – объяснил Никита, – за Чебоксарами наши места. Может, слышали Бичурино село? Шинери по-чувашски.

– Из чувашей, значит. За Пугачом ваше племя все двинулось. Веру старую сберечь думали. Попы-то силком крепят, некрещёных с земли сгоняют... Видишь, а теперь и попов чувашских поставили... Родители кто? Никитин отец – дьячок Иаков. А кто он – чуваш или русский? – об этом Никита не задумывался. Как и все в деревне, родители трудились на земле, крестьянствовали, бывало, недоедали. И прозывался он попросту – дьячков, Якова-дьячка. А вот теперь по повелению семинарского начальства Никита стал Бичуриным, откуда был родом. Бумагу такую выдали с печатью. В ней крупно, красиво выведено: «Бичурин Никита, сын Иаковлев...»

– Портрет отца Иакинфа всегда на моем рабочем столе, он подсказывает, как нужно трудиться в науке, – с этими словами ученого секретаря направляемся к директору института.

Профессор Евгений Иванович Кычанов, узнав о цели моего визита, без особых обязательных слов, принятых произносить при знакомствах, располагая к себе, произнес просто и с полным откровением:

– Я в Чебоксарах бывал, люди там особые – удивительно

гостеприимные, а чувашское пиво – на редкость вкусное, – улыбнулся он. – Научно-практическую конференцию в честь юбилея Н.Я. Бичурина будем планировать и проводить в сентябре-октябре будущего года. В летние месяцы не получится – многие сотрудники института в это время в командировках, в отпусках. Добро пожаловать чувашам на наши юбилейные мероприятия!

– Будем участвовать «конно, людно и всеоружно» – пошутил я, принимая приглашение директора.

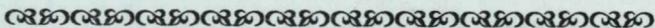
– А что это значит?

– Есть в нашей диаспоре ученые, которые работали по исторической теме «Александр Пушкин и Никита Бичурин» и могут сделать сообщения на конференции. Кроме этого, наш фольклорный ансамбль всегда готов скрасить собрание ученых мужей своим выступлением. Полагаю, в этом старинном дворце еще ни разу не звучала чувашская песня.

– Это очень интересно, – сказал седой профессор. С хорошим настроением вышел я снова на набережную Невы: в фотоаппарате уникальный кадр о Н.Я. Бичурине, а душевный разговор с учеными согрел душу.

*Санкт-Петербург,
Сентябрь 2001 г.*

Виталий ЗОЛотов

ГОРДОСТЬ И СЛАВА НАУКИ

Российская и мировая научная общественность широко отметила 225-летие со дня рождения монаха отца Иакинфа – в миру Никиты Яковлевича Бичурина – выдающегося востоковеда, еще при жизни признанного лучшим китаеведом Европы. Юбилейные торжества прошли в Санкт-Петербурге, Москве и других городах России.

Член-корреспондент Императорской Академии наук, действительный член Азиатского общества в Париже, четырежды лауреат Демидовской премии (высшая научная награда России), Иакинф сполна испытал славу ученого. Его труды переводились с русского языка на иностранные, а блестящие очерки и острые полемические статьи охотно печатались на страницах многих журналов России. Общаясь с выдающимися деятелями русской культуры – А. С. Пушкиным, В. Г. Белинским, И. А. Крыловым, А. И. Герценом, И. Н. Панаевым, М. И. Глинкой и др., Бичурин активно общился к литературной работе. Все это разве не счастье для человека, который посвятил себя всецело служению науке и литературе. Отец Иакинф не был обойден земным человеческим счастьем!

Никита Бичурин никогда не был затворником. Четырнадцать лет миссионерской деятельности в Китае были для него временем титанического труда: он буквально впитывал быт и культуру Китая и стал блестящим знатоком этой великой страны. Возвратившись на родину, он добросовестно выполнял канцелярскую рутинную работу чиновника, отлучаясь для этого из Александро-Невской лавры в Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской

империи, как почетный библиотекарь постоянно посещал Публичную библиотеку, дважды (1830-1831, 1835-1838) выезжал из Санкт-Петербурга в Сибирь. участвовал в научных экспедициях. Каждое лето на загородной даче своего друга А. И. Карсунского в селе Мурино, вдали от столичной суеты, он занимался переводами древних китайских рукописей.

Ученые из разных уголков страны на состоявшемся в Санкт-Петербурге третьем Всероссийском организационно-научном съезде востоковедов достойно оценили научный вклад Н. Я. Бичурина в ориенталистику. На торжественном заседании было сообщено, что подготовлен к печати и будет издан капитальный труд в 16 томах «Основные принципы Всеобъемлющего зеркала», переведенном с китайского Иакинфом Бичуриным. Это – яркое подтверждение того, что труды монаха и ныне не утратили своей актуальности.

Особенной торжественностью отличились юбилейные праздники на родине Н. Я. Бичурина – в Чувашии. Незабываемы встречи с учеными на научно-практической конференции «Наследие Н. Я. Бичурина и проблемы развития современной науки и культуры». Этой конференцией руководил президент Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики И. Е. Илларионов. Обобщая результаты своих исследований, ученые отметили, что им еще предстоит открывать Бичурина, поскольку многие труды его не стали достоянием общественности.

В Национальной библиотеке Чувашской Республики был открыт Бичуринский зал, в котором созданы все условия для плодотворной работы студентов, аспирантов и научных работников по изучению творческого наследия Н. Я. Бичурина.

Участники юбилейной конференции посетили общеобразовательную школу № 3 в Чебоксарах, где много лет функционирует Мемориальный музей Н. Я. Бичурина. Здесь собраны уникальные экспонаты, рассказывающие о великом ученом. При музее постоянно работает клуб имени Н. Я. Бичурина, где проходят встречи молодых последователей земляка с ветеранами – учителями школы. Девиз клуба:

быть таким же любознательным, целеустремленным и трудолюбивым, каким был Иакинф Бичурин.

Побывали ученые и в селе Типнеры (ранее Акулево), где 29 августа 1777 года в семье чувашского священнослужителя родился будущий исследователь Востока. Членами делегации на окраине села были посажены саженцы, взятые из Ботанического сада Чувашии. Так был заложен будущий природно-пейзажный парк имени Н. Я. Бичурина.

Неизгладимые впечатления оставили выступления самодеятельных коллективов Мариинско-Посадского района, выступивших в переполненном зрителями зале сельского клуба в селе Бичурино, где прошли детские годы Никиты.

В юбилейные дни порадовали своими новыми работами художники нашего города Анатолий Рыбкин и Александр Семенов. Радует, что образ монаха Иакинфа продолжает волновать творческих работников.

Поистине Русская Православная Церковь воспитала в давние времена замечательного россиянина, подвижника Отечества.

Остается надеяться, что в Санкт-Петербурге, славящемся множеством исторических памятных мест, в ближайшем будущем назовут улицу или сквер именем монаха Никиты Бичурина, который в XIX веке своими уникальными историческими трудами прославил город на Неве, возвеличил Россию.

Санкт-Петербург,

Сентябрь 2002 г.

Виталий ЗОЛотов

Вера РЫТИКОВА

ПАМЯТНИКИ СЫНАМ РОССИИ

Александро-Невская лавра с ее некрополями, имеющая мировую известность, принадлежит к числу наиболее крупнейших исторических памятников Санкт-Петербурга. Название лавры связано с именем новгородского князя Александра Ярославича, который 15 июля 1240 года на берегах Невы одержал победу над шведами.

Основатель северной столицы России Петр Великий в 1710 году сам выбрал место для строительства будущего мужского монастыря (в 1797 г. получившего почетный титул лавры) в устье Черной речки, впадающей в Неву. На левом берегу Черной речки (ныне называемой Монастыркой) была построена первая деревянная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, освященная в присутствии Петра I в 1713 году. Именно с этого года монастырь стал вести свое летоисчисление. В 1717 году рядом с церковью воздвигли небольшую каменную Лазаревскую усыпальницу (давшую название кладбищу) для погребения любимой сестры царя – Натальи Алексеевны. Под сводами церкви Праведного Лазаря проводились первые захоронения видных сынов Отечества, чаще всего по распоряжению самого царя. До наших дней сохранилось надгробие знаменитого сподвижника Петра I фельдмаршала Б.П. Шереметева – героя Северной войны.

Образовавшееся вблизи церковных стен Лазаревское кладбище стало местом захоронения петербургской знати. На памятниках мы читаем фамилии и имена многих представителей дворянских родов: Нарышкиных, Воронцовых, Голицыных, Строгановых, Демидовых, Шураловых, Столыпиных. В 1907

году известный историк искусства Н.Н. Врангель в статье «Забывшие могилы» писал: «На маленьком пространстве старого Лазаревского кладбища погребена целая эпоха, целый мир отживших идей, почти все придворное общество Елизаветы, Екатерины и Павла».

В начале прошлого века Лазаревское кладбище получило музейный статус, ныне носит название Некрополь XVIII века и находится в ведении Государственного музея городской скульптуры. Старинный некрополь поражает воображение наших современников – здесь на небольшой территории (менее гектара) сохранилось почти тысяча надгробных памятников XVIII-XIX веков. Это – уникальное мемориальное собрание исключительной художественной ценности. Его памятники отличаются многообразием архитектурных форм, многие из них украшены аллегорической скульптурой, портретными медальонами и гербами.

В Некрополе XVIII века похоронены выдающиеся государственные и военные деятели – среди созвездия имен министры граф С.Ю. Витте, граф М.Н. Муравьев, генерал-фельдмаршал граф П.И. Шувалов, адмиралы В.Я. Чичагов, Н.Е. Мордвинов и др. Славу Некрополя составляют также имена выдающихся русских ученых и деятелей искусства – первого русского ученого-естествоиспытателя М.В. Ломоносова, великого математика и физика Леонарда Эйлера, первого русского китаеведа Н.Я. Бичурина (монаха отца Иакинфа), писателей Д.И. Фонвизина, Я.Б. Княжнина, архитекторов А.Н.Воронихина, А.Д. Захарова, И.Е. Старова, скульпторов Ф.И. Шубина, И.П. Мартоса и многих других.

Скромное надгробие монаха Иакинфа Бичурина всегда поражает внимание посетителей музея таинственностью иероглифов, начертанных на черном граните обелиска. Удивительна история создания этого уникального памятника, которая кратко описана в XIX веке в городских заметках столичной газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

В 1864 году от 28 сентября 215 № сообщается: «Знаменитый наш китаист отец Иакинф, погребенный в 1853 году на кладбище Невского монастыря, до сих пор не имел над пра-

кладбище Невского монастыря, до сих пор не имел над прахом своим никакого памятника. Иркутский почетный гражданин В.Н. Баснин предложил всем уважавшим покойника, составить подпискою капитал для сооружения скромного памятника. Все приняли эту мысль с сочувствием, собрали маленький капиталец и приступлено к работе». Эта же газета через год информировала читателей о благополучном завершении благого дела: «На Страстной неделе поставлен памятник знаменитому нашему китаисту отцу Иакинфу. На пирамиде из черного отшлифованного гранита, стоящей на пьедестале, вырезано имя покойника, под ним строки сверху на низ китайских начертаний, а под ними по-русски: родился 1777 года, скончался 1853 г. мая 11. Смысл китайских письмен следующий:

«Постоянными трудами снискал себе место в истории». Памятник воздвигнут попечением уважавших заслуги покойника».(Санкт-Петербургские ведомости, 1865, 15 апреля, № 91. «Городские заметки»).

В первой половине прошлого века (в 1920-1930 гг.) в период разгула сторонников воинствующего «Безбожника» (так назывался журнал, издаваемый противниками Русской Православной Церкви) памятник ученого-монаха был частично разрушен: снесена ажурная металлическая ограда, с обелиска сорван мраморный православный крест.

8 июля 1988 года на пирамиде надгробного памятника Н.Я. Бичурина сотрудниками Государственного музея городской скульптуры установлен бронзовый крест (автор - реставратор С.Л. Мухин).

Ныне нас искренне радует то, что Кабинет Министров Чувашской Республики принял решение о восстановлении в первоначальном виде и капитальном ремонте памятника нашего замечательного земляка Никиты Яковлевича. Бичурина. Это событие приурочивается 300-летию юбилею Санкт-Петербурга.

*Санкт-Петербург
Апрель 2003 г.*

ЖИЗНЬ МОНАХА ИАКИНФА В ДАТАХ

1777, 29 августа – в с. Акулёво (ныне Типнеры) Чебоксарского уезда Казанской губернии в семье чувашского священнослужителя Якова Данилова родился сын Никита. Его мать – Акилина Степановна – неграмотная крестьянка. Дед Никиты – чуваш Данил Семёнов – священник церкви Успения Пресвятой Богородицы (с. Акулёва).

1779 – семья переехала в с. Пичурино (Бичурино) Чебоксарского уезда в связи с назначением Якова Данилова священником Воскресенской церкви.

1782-1785 – по церковным книгам отца рано научился читать по-славянски и по-гречески, освоил греческую грамматику.

1786, лето – поступил учиться в школу нотного пения Свяжского Богородицкого монастыря.

1787, осень – для продолжения обучения направлен в Казанскую Духовную семинарию; как подготовленный, сразу же был принят в класс грамматики; семинарским начальством ему определена фамилия Пичуринский; в семинарии содержался на отцовском коште.

- 1790, осень – начало большой и долгой дружбы с двоюродным братом по матери – семинаристом Александром Васильевичем Карсунским.
- 1795, осень – в семинарии были проведены торжества в день тезоименитства архиепископа Амвросия Подобедова; Никита прочитал стихи, посвящённые высокопреосвященству.
- 1795, декабрь – в сборнике «*Торжества в Казанской семинарии*» напечатаны стихи студента философии Никиты Пичуринского: «*Мелос*» на греческом и «*Сон*» на русском языке.
- 1796, осень – знакомство с дочерью казанского дворянина Л.П. Саблукова – Татьяной; уроки французского языка у мадемуазель Марме – гувернантки Саблуковых.
- 1797 – студент Пичуринский принял новую фамилию – Бичурин.
- 1798 – приезд в Казань императора Павла I; преобразование Казанской семинарии в Академию.
- 1798, осень – студентам богословского класса Никите Бичурину и Александру Карсунскому доверено преподавание в классах информатории.
- 1799, лето – окончил успешно Казанскую Духовную Академию; оставлен в Академии наставником с правом преподавания до класса грамматики.
- 1800, 18 июля – принял монашество; оставаясь в Казани, был зачислен в соборные монахи Александро-Невской лавры; наречён монаху имя

Иакинф.

- 1800, 22 июля – произведён в сан иеродиакона, получил должность преподавателя высшего красноречия в Казанской Духовной Академии.
- 1801, 25 августа – рукоположен в сан иеромонаха.
- 1801, 7 ноября – назначен управителем Казанского Иоанновского монастыря.
- 1802, 16 мая – указом Святейшего Синода назначен настоятелем третьеклассного Вознесенского монастыря в Иркутске, ему вменены обязанности ректора Духовной семинарии и присутствующего в консистории.
- 1802, 20 июня – возведён в сан архимандрита.
- 1803, февраль – в Иркутской духовной семинарии вспыхнуло волнение семинаристов, недовольных нововведениями ректора.
- 1803, март – начало следствия по делу семинаристов Иркутской духовной консисторией.
- 1805, сентябрь – приезд в Иркутск из Санкт-Петербурга посольской свиты и девятой духовной миссии в Китай; граф Ю.А. Головкин направил ходатайство обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицыну о назначении отца Иакинфа главой духовной миссии вместо архимандрита Аполлоса.
- 1806, январь – получено от князя А.Н. Голицына уведомление о том, что император Александр I не соизволил назначить Иакинфа Бичурина

- начальником духовной миссии.
- 1806, 29 января – указом Святейшего Синода за нарушение монашеского обета лишён звания архимандрита, снят с должности ректора семинарии и настоятеля Вознесенского монастыря, переведён в Тобольскую семинарию преподавателем риторики.
- 1806, март – по пути в Тобольск отправил письмо митрополиту Амвросию Подобедову с просьбой помочь ему в осуществлении мечты по изучению культуры и языков народов Востока и включении его в состав девятой миссии в Китай.
- 1806, апрель – служба в монастыре и семинарии под строгим наблюдением архиепископа Антония, который после года пребывания Иакинфа в Тобольске представил на него в Святейший Синод благоприятную характеристику.
- 1807, апрель
- 1807, май – указом Святейшего Синода Иакинф назначен начальником девятой духовной миссии в Пекин; в этом большое содействие оказал митрополит Новгородский и Петербургский Амвросий Подобедов.
- 1807, август
- 1807, май – из кабинета Его Величества монаху Иакинфу пожалован архимандричий наперсный крест, усыпанный бриллиантами.
- 1807, июнь – тщательная подготовка духовной миссии
- 1807, сентябрь для следования в Китай.
- 1807, сентябрь – архимандрит Иакинф перед отъездом миссии в Китай из Кяхты отправил канцлеру

России письмо-жалобу на генерал-губернатора Сибири Пестеля И.Б. и губернатора Иркутска Трескина Н.И. на их чудовищный произвол по отношению к местному населению.

1807, — 17 сентября — духовная миссия во главе с Иакинфом в составе 10 человек из Кяхты отправилась в Китай.

1807, — 29 сентября — прибытие в Ургу (Монголия).

1807, — 22 декабря — прибытие в Калган; тяжело преодолели пустыню Гоби.

1808, — 10 января — прибытие Русской Православной миссии в Пекин.

1808-1809 — начало самозабвенной работы по изучению китайского языка.

1810 — отправлен в Иркутск за пьянство и леность иеродиакон Нектарий, который после суда лишён духовного сана.

1813, май — сибирский генерал-губернатор Пестель И.Б. отправил письмо обер-прокурору Синода с требованием немедленного отзыва архимандрита Иакинфа из Китая (к письму были приложены доносы нерадивых монахов).

1814 — отправлен в Иркутск за пьянство Пальмовский, который исключён из духовного звания.

к 1815 году — Иакинф Бичурин собрал более 10 тысяч иероглифов, составил первый китайско-русский

словарь, который четыре раза переписал от руки; профессионально освоив китайский язык, приступил к переводу на русский язык китайских исторических сочинений.

1816, 18 января – ходатайство перед Синодом о продлении пребывания в Пекине на следующее десятилетие для продолжения научной деятельности.

1818 – умер митрополит Амвросий Подобедов – наставник Иакинфа.

1819 – получен отказ в продлении пребывания в Китае.

1821, 15 мая – девятая духовная миссия в составе пяти человек во главе с Иакинфом Бичуриным из Пекина выехала на родину.

1821, 1 августа – прибытие в Кяхту.

1821, 3 ноября – прибытие в Иркутск.

1821, май – начальник десятой духовной миссии архимандрит Пётр представил в Святейший Синод подробнейшее донесение о деятельности девятой миссии в Пекине.

1822, январь – прибытие девятой миссии в Санкт-Петербург.

1822, январь – Иакинф Бичурин находился под домашним арестом в Александро-Невской лавре; работал над переводом исторических трудов китайских мыслителей.

- 1822, март – весь состав девятой миссии предан суду Петербургской духовной консистории.
- 1822, апрель – давал письменные объяснения на сорок семь «Вопросных пунктов, сочинённых в консистории из доносов бывших учеников Пекинской духовной миссии, а также из донесения архимандрита Петра и его приложений, сделанных в Пекине».
- 1822, лето – знакомство с директором Публичной библиотеки А.Н. Олениным, баснописцем И.А. Крыловым, княгиней З.А. Волконской, лейтенантом флота Н.А. Бестужевым.
- 1822, осень – подготовка рукописей переводов с китайского языка для публикации в столичных журналах.
- 1823, зима
- 1823, 19 февраля – по решению Святейшего Синода за пренебрежение церковно-миссионерскими обязанностями в Китае лишён сана архимандрита и приговорён к вечному поселению в Соловецком монастыре на Белом море.
- 1823, 23 августа – император Александр I распорядился отправить монаха Иакинфа в вечную ссылку в Валаамский монастырь на Ладожском озере.
- 1823, 23 августа – прибытие в Спасопреображенский монастырь на о. Валаам под наблюдение игумена Иннокентия.
- 1824, весна – разрешение игуменом занятий с историческими трудами по Востоку.

- 1826, лето – случайная встреча на о. Валаам и знакомство с бароном П.Л. Шиллинг фон Канштадт – чиновником Восточного департамента Министерства иностранных дел.
- 1826, осень – ходатайство П.Л. Шиллингом через директора департамента Государственной коллегии иностранных дел перед императором Николаем I об освобождении Иакинфа Бичурина из ссылки с острова Валаам.
- 1826, 20 октября – Император Николай I высочайше повелел: *«Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту».*
- 1826, ноябрь – возвращение в Санкт-Петербург в Александро-Невскую лавру; начало службы чиновником в Министерстве иностранных дел.
- 1827, февраль – первая публикация научной статьи *«Разные известия о Китае»* в столичном журнале *«Северный архив».*
- 1827, июнь – знакомство с А.С. Пушкиным.
- 1827 – издание брошюры *«Пояснение ответов г. Крузентерна на вопросы, предложенные ему г. Вирстом касательно Китая»* (46 с.)
- 1827, осень – навестил друзей юности Карсунских – Александра Васильевича и Татьяну Лаврентьевну.
- 1828 – издание первой книги *«Описание Тибета»*

в нынешнем его состоянии» в двух частях (309 с.) с посвящением на титульном листе княгине З.А. Волконской; книга была переведена на французский язык.

1828, 26 апреля – книгу «*Описание Тибета*» подарил А.С. Пушкину.

1828 – вышла в свет книга «*Записки о Монголии*» в двух томах (587 с.) с приложением карты Монголии; переведена на французский и немецкий языки.

1828, 17 декабря – избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду литературы и древностей Востока.

1829, январь – назначен почётным библиотекарем Петербургской Публичной библиотеки.

1829 – умер А.В. Карсунский; Н.Я. Бичурин взял на себя заботы об его семье.

1829 – в Санкт-Петербурге изданы четыре книги:

1. «*Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии*» в двух частях (377 с.), с четырьмя раскрашенными рисунками.
2. «*Описание Пекина*» с планом города (148 с.), переведена на французский и немецкий языки.
3. «*История первых четырёх ханов из дома Чингисова*» (440 с.)
4. «*Троесловие*» («*Сань-цзы-цзин*») с литографированным китайским текстом (82 с.)

- 1829, ноябрь – встреча с путешественником и естествоиспытателем бароном Александром фон Гумбольдт; длительная беседа о Китае.
- 1830, зима – знакомство с О.И. Сенковским; составление проекта учреждения при Императорском Петербургском университете особо полного класса восточных языков. (Восточный факультет был открыт в 1854 году).
- 1830,
19 февраля - – поездка в Сибирь в составе научной экспедиции П.Л. Шиллинга.
- 1831, апрель
- 1830, февраль – встреча в Москве с М.П. Погодиным – издателем журнала «*Московский вестник*» и литератором Н.А. Полевым, который издавал журнал «*Московский телеграф*».
- 1830, июнь – встреча в Иркутске с Р.М. Медоксом, который в дальнейшем в судьбе Н.Я. Бичурина сыграл отрицательную роль.
- 1830, август – обучал в Кяхте началам китайской грамоты членов одиннадцатой духовной миссии, направляемой в Китай.
- 1830, осень – открыл в Кяхте училище китайского языка с четырёхлетним сроком обучения.
- 1830,
13 сентября – по совету П.Л. Шиллинга написал рапорт на имя директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел с просьбой ходатайствовать перед обер-прокурором Синода о снятии монашеского сана.

- 1831, 7 марта – избран действительным членом Азиатского общества в Париже.
- 1831, лето – путешествие в Забайкалье, встреча на Петровском заводе с другом-декабристом Николаем Бестужевым.
- 1831, 29 августа – написал прошение в Святейший Синод о снятии монашеского сана.
- 1832, 12 мая – Святейший Синод удовлетворил просьбу монаха Иакинфа и представил своё решение на благоусмотрение императора Николая I.
- 1832, 20 мая – Николай I написал на представлении Синода: *«Оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество»*. (Донос Р.М. Медокса из Сибири о посещении Н.Я. Бичуриным Петровского завода определил дальнейшую судьбу монаха).
- 1833 – с одобрения Императорской Академии наук издана книга *«История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р.Х. и до 1227 г. по Р.Х.»* в двух частях, с приложением карты.
- 1833-1835 – знакомство и дружеское общение в Петербурге с английским путешественником Джорджем Генри Борро.
- 1834 – издание книги *«Историческое обозрение ойратов и кадмыков с XV столетия до настоящего времени»* (272 с.) с приложением карты Монголии с дорогой от Кяхты до Пекина; книга удостоена Де-

- Демидовской премии Императорской Академии наук.
- 1835 — по Высочайшему повелению напечатана «*Китайская грамматика (Хань-вынь-цимин)*», удостоенная Демидовской премии Императорской Академии наук.
- 1835, февраль — служебная командировка в Сибирь: преподавательская деятельность в Кяхте в училище китайского языка; разработка серии трудов по истории Китая; встреча с декабристом И.И. Пушиным — другом Александра Пушкина.
- 1838, январь —
- 1837, 29 января — скончался после дуэли А.С. Пушкин; глубокая скорбь монаха Иакинфа.
- 1837, 25 июля — умер соратник П.Л. Шиллинг.
- 1839 — по поручению Императорской Академии наук составил описание книжного и рукописного собраний П.Л. Шиллинга, поступивших в Азиатский музей.
- с 1840 года — летом жил на даче А.В. Карсунского в с. Мурино, переводил древнейшие китайские летописи:
- 1840 — издание книги «*Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение*» (450 с.) — сборника статей, опубликованных в разные годы в журналах России.
- 1841 — публикация очерка «*Островки из путешествия по Сибири*» (20с.)
- 1842 — издание книги «*Статистическое описание*

- 1831, 7 марта – «*Китайской империи*» в двух частях (660с.) с приложением карты на 5 листах; книга удостоена Демидовской премии Императорской Академии наук. Востоковед П.И. Кафаров (отец Палладий) и другие синологи считали этот труд лучшим произведением Иакинфа Бичурина.
- 1844 – представил читателям сочинение под заглавием: «*Земледелие в Китае*» с 72 чертежами разных земледельческих орудий.
- 1847 – составление автобиографической статьи.
- 1848 – издание книги «*Китай в гражданском и нравственном его состоянии*» в четырёх частях (682 с.); этот труд отмечен почётным отзывом комиссии Императорской Академии наук по присуждению Демидовской премии.
- 1849, январь – подарил Казанской Духовной Академии значительную часть книг, рукописей и карт личной библиотеки.
- 1849, январь – присуждение Демидовской премии Императорской Академии наук за труд «*Обращение сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*».
- 1851 – завершено издание книги в трёх частях «*Обращение сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*» (992 с.).
- 1851, осень – продолжительная тяжёлая болезнь; в последние 4 месяца жизни Н.Я. Бичурин был разбит параличом.

1853, — скончался в 6 часов утра в возрасте 76 лет.
11 (23) мая

1853, 13 мая — погребение монаха Иакинфа на Старо-Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Отпевание его совершил Пекинский архимандрит Гурий.

1865, весна — сооружение надмогильного памятника Н.Я. Бичурину.

*Санкт-Петербург,
апрель 2003 г.*

При составлении раздела «Жизнь монаха Иакинфа в датах» использованы сведения из литературы:

1. Адоратский Н. «Отец Иакинф Бичурин» (исторический этюд), Православный собеседник, Казань, 1886.
2. Архимандрит Авраамий. «Краткая история русской православной миссии в Китае», Пекин, 1916.
3. Димитриев В.Д. «Востоковед Н.Я. Бичурин и Чувашия», Чебоксары, 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Авраамий Часовников.</i> Архимандрит Иакинф и его миссия.....	9
<i>Сергей Марков.</i> Неутомимый Иакинф Бичурин.....	18
<i>Виталий Золотов</i> Бичурин – выдающийся русский учёный.....	24
<i>Виталий Золотов</i> Пешком по следам отца Иакинфа.....	34
<i>Виталий Золотов</i> Гордость и слава науки.....	40
<i>Виталий Золотов, Вера Рытикова</i> Памятники сынам России.....	43
<i>Виталий Золотов</i> Жизнь отца Иакинфа в датах.....	46

*На первой странице обложки – портрет Н.Я. Бичурина.
Автор – художник Элли Юрьев*

Научно-популярное издание

*Виталий Арсентьевич Золотов
Кандидат военно-морских наук, доцент,
Заслуженный работник культуры
Чувашской республики*

НИКИТА БИЧУРИН –
востоковед, литератор,
историк и педагог
(1777-1853)

*Художественный редактор Золотов В.Т.
Художник Золотов В.А.
Компьютерный набор Громовой Т.В.
Книга сверстана с готовой электронной версии,
представленной автором*

Отпечатано в ООО «АкадемПринт».

Подписана в печать 25.04.2003 г. Формат 60x84 1/16
Печать ризограф. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Объем 5.0. Тираж 50 экз.

Об авторе

Виталий Арсентьевич Золотов родился 2 апреля 1934 года в д. Синерь Аликовского района Чувашской АССР. Почти сорок лет служил в Военно-морском флоте. Он капитан 1 ранга в отставке, доцент, кандидат военно-морских наук, член Международного профессионального союза писателей, почетный академик Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. В своих произведениях В.А. Золотов воспевает красоту родного чувашского края.

***"Учиться - это грести против течения,
и лишь перестанешь - тебя унесет назад."***

Кун-цзы, Конфуций (р. 551 - ум. 479 до н.э.)

Изречение китайского философа перевёл
китаевед Никита Яковлевич Бичурин

